

— Изначально был шанс, Глава Медицинской палаты тоже говорил, что можно подождать пару дней, вдруг пульс плода снова появится? — Императрица улыбнулась. — Но наложница-фаворитка Шу сама не смогла удержаться, начала кричать и шуметь, а первые три месяца и так нестабильны, как можно так пугаться?

— Раньше он говорил Вашему Величеству ждать возможности, я думала, что он просто тянет время, не желая помогать, но теперь эта возможность сама пришла? — Чэн Юнь тоже засмеялась, морщинки в уголках глаз углубились, а в глазах читалось облегчение. — Ваше Величество может быть спокойна.

Под ногами было скользко. Она предложила:

— Ваше Величество, лучше воспользуйтесь паланкином. А то подвернете ногу — что тогда?

Императрица махнула рукой.

Чэн Юнь продолжила:

— Лекарь Сун внешне холоден, но на нашей стороне. Он боится, что если наложница Шу действительно родит маленького принца, это станет препятствием для нашего Высочества.

Императрица с улыбкой кивнула, окинув взглядом небо, где смешались дождь и снег:

— Сделал это намеренно или просто воспользовался случаем — неважно, главное, что он проявил заботу.

Чэн Юнь снова спросила:

— Передать ли нам в Министерство наказаний, чтобы присмотрели за ним?

Императрица слегка опустила подбородок, что было знаком согласия.

Сумерки. Восточный дворец.

Чэн Юнь вышла из дворца, пока ворота еще не закрыли на замок.

Переодевшись в простое платье, она отправилась во дворец наследного принца.

Наследный принц встал и вежливо произнес:

— Тетушка, зачем вы сами пришли?

Чэн Юнь не позволила себе вольностей и почтительно поклонилась:

— Императрица поручила мне спросить, почему вы еще не отправились в путь? Неужели что-то задержало?

Наследный принц не выдержал и с улыбкой вздохнул:

— Тетушка, вы специально пришли, чтобы подшутить надо мной? Пожалуйста, вернитесь во дворец и скажите матушке: если она будет торопить, я уеду на юг и не вернусь.

Наследный принц вырос во дворце. У Императрицы было много забот, а её придворное платье было слишком роскошным, чтобы часто заниматься ребенком.

В отличие от неё, Чэн Юнь часто брала его на руки, поэтому он был к ней очень привязан.

Чэн Юнь сдержанно улыбнулась.

Она уже не была молода, и в её улыбке не чувствовалось лукавства.

Напротив, в ней читалась снисходительность старшего.

— Лекарю Суну Ваше Величество уже передала весточку, так что он в любом случае не пострадает.

Чэн Юнь продолжила:

— Кроме того, есть и резиденция генерала. Учитель сына попал в тюрьму, так что генерал должен постараться выручить его, не дать пострадать.

Наследный принц задумался и немного успокоился.

Чэн Юнь, видя его рассеянный вид, тоже вздохнула:

— Ваше Высочество, не продолжайте ждать. Завтра отправляйтесь на юг, иначе перед Государем будет трудно оправдаться.

Наследный принц подпер голову рукой и кончиками пальцев постучал по виску.

— Лучше меньше хлопот, Ваше Высочество. Не заставляйте матушку волноваться, — продолжила она уговаривать.

— Ладно, — уныло произнес наследный принц. — Ладно.

Четырнадцатое марта. Время, когда трава зеленеет, а соловьи поют — идеальная пора для весенних прогулок.

Любимая наложница во дворце скончалась.

В покоях царила тишина, никто не осмеливался говорить громко.

Из-за неожиданных весенних заморозков бутоны на ветвях погибли. За пределами дворца дела обстояли не лучше: посеянные зерна только дали ростки с палец длиной, как все они вымерзли.

Крестьяне громко рыдали.

Управление продовольственного снабжения срочно разработало план, подсчитало запасы семян для раздачи и подало доклад к постели больного императора.

Государь, несмотря на болезнь, работал до поздней ночи, и его здоровье ещё больше пошатнулось.

Шестнадцатое марта, вечер. Ночной сторож отбил одиннадцать ударов.

Стража у ворот Верховного суда в этот морозный холод топала ногами, согреваясь.

Один жаловался:

— Погода, черт возьми, какая-то неестественная.

Другой, услышав это, тоже ощутил, как похолодало, и не выдержал:

— Хорошо хоть снег сегодня прекратился, а то мы бы с тобой совсем замерзли, как сосульки!

Тот собрался было поддакнуть, но со двора послышались торопливые шаги. Он тут же заткнулся и замер, как статуя.

Глава Верховного суда Хэ Хоуцун переступил высокий порог. Холодный ветер ударил ему в лицо, заставив чихнуть.

Слуга позади услышал и поспешил загородить его от ветра:

— Ва-ва-ваше превосходительство, слишком холодно! Неужели из резиденции генерала действительно придут в такое время?

Хэ Хоуцун засунул руки в рукава, зубы его непроизвольно стучали:

— Я тоже думаю, что это безумие. Они...

Только он начал говорить, как в конце прямой дороги, ведущей к воротам, замаячил смутный силуэт — пугающий и призрачный.

Хэ Хоуцун прищурился и вытянул шею, пытаясь разглядеть; слуга рядом сделал то же самое.

Силуэт приблизился, и стало видно, что это легкий паланкин, который несли четверо носильщиков, ступавших мягко и бесшумно. Вокруг — никого, ни одной свиты.

Поздний час, и они явно старались не попадаться на глаза.

Хэ Хоуцун уже начал догадываться, к чему это.

Слуга разглядел прибывших, спрятал шею обратно и цокнул языком:

— Прислали какого-то случайного человека, чтобы от нас отделаться. Ваше превосходительство, возвращайтесь, а я здесь останусь.

— Не спеши, посмотрим, — Хэ Хоуцун кашлянул, чувствуя, что выдохнул из себя последнее тепло, и поднял глаза к ледяному небу. — В такую погоду и в такой час пришли только по очень важному делу.

Паланкин подъехал. Хэ Хоуцун махнул рукой стражникам у ворот:

— Холодно, идите-ка внутрь, грейте руки у жаровни.

Два стража переглянулись и хором ответили:

— Благодарим ваше превосходительство за заботу.

Подняв онемевшие ноги, они поспешили уйти.

Паланкин остановился. Хэ Хоуцун выпрямился, расправил плечи и принял свое обычное строгое и непреклонное выражение лица.

Занавеска паланкина откинулась, и оттуда вышли двое — взрослый и ребенок.

Взрослый был генералом: спина прямая, профиль жесткий, морщины на лице казались застывшими от холода, а цвет лица был мрачнее, чем остатки снега на земле.

Ребенок доставал ему лишь до груди, с большими глазами и мягким лицом, светлым, как лунное сияние — вид явный золотой молодежи.

Глава Верховного суда третьего ранга, увидев этих двоих, позабыл о чинах и важности, сразу сник.

Он поспешил к ним навстречу:

— Генерал, зачем вы сами пришли? Погода-то какая холодная, это...

— Господин Хэ, — генерал прервал его и спросил прямо. — Как поживает господин Сун?

Лицо у него было неприязненное, в голосе слышался лед — тяжелый и густой, почти оглушивший Хэ Хоуцуна.

— Господин Сун? — Хэ Хоуцун перебрал в уме важных сановников, но не припомнил никого с такой фамилией.

Тут мальчик рядом с генералом поднял голову и сделал полшага вперед:

— Мой учитель, лекарь Сун из Медицинской палаты.

Этот лекарь Сун был замешан в убийство, еще толком не разобрались, и теперь снова попал в беду? И какое отношение имеет этот лекарь к генералу?

— Шэнь Хуань, — генерал посмотрел на мальчика. — Не будь грубым.

Мальчик опустил голову и отступил назад.

Хэ Хоуцун по-прежнему ничего не понимал.

Генерал сложил руки в почтительном поклоне.

Этот чиновник третьего ранга, не пользующийся особым расположением, чуть не умер от страха. Он поспешно поклонился:

— Недостойно, недостойно! Генерал, вы слишком снисходительны ко мне...

— Я пришел глубокой ночью, что уже против правил, а теперь еще и беспокою вас — мне стыдно, — генерал выпрямился и вздохнул. — Но мой сын несколько месяцев назад стал учеником лекаря Суна из Медицинской палаты. «Учитель на один день — отец на всю жизнь», а мой сын глубоко уважает и любит своего наставника. Когда лекарь Сун несколько дней назад попал в беду, сын потерял голову от горя и пришел просить меня, так что мне пришлось прийти сюда.

Хэ Хоуцун про себя думал: что за странный нрав у единственного сына генерала? Отец занимает такой высокий пост, а он пошел учиться в Медицинскую палату?

Тут генерал снова вздохнул:

— Господин Хэ, ведь сердца родителей...

Хэ Хоуцун, проработавший в Верховном суде, глубоко понимал эти слова. Он облегченно вздохнул.

— Генерал, что случилось с этим лекарем Суном?

— Знатная особа во дворце скончалась... — генерал слегка замолчал и вздохнул. — В тот день он был там вместе со всей группой из Медицинской палаты. Их всех отправили в тюрьму Министерства наказаний, я слышал, что сегодня ночью их должны перевести в Верховный суд.

— Это я слышал, — Хэ Хоуцун кивнул. — Только они в Верховный суд не прибыли, — добавил он.

Генерал с некоторым удивлением спросил:

— Разве не прибыли?

Хэ Хоуцун немного подумал. Днем, кажется, действительно слышал об этом, но это была какая-то незначительная персона. Дело было связано с расследованием убийства, которое поручил ему наследный принц, поэтому он немного поинтересовался. Но раз туда сразу заперли столько народу, он решил, что закон не карает всех подряд, и пропустил информацию мимо ушей, вскоре совсем забыв о ней.

Теперь, когда перед ним стояли генерал и его сын, он осознал, насколько проявил небрежность.

— Генерал, господин, — он медленно произнес, обдумывая, как бы помочь. — В Министерстве наказаний все подчиняется только приказам Императора. Если учитель вашего сына не был переведен сюда, обязательно, что-то задержало...

<http://bllate.org/book/17721/1656312>